

ПАМЯТЬ ОБ УГЛЕЖОГАХ

В самом центре Ижевска находится одна из тихих деревянных улочек. Старая она, впервые в документах упоминается аж в 1810 году, но, видимо, существовала еще и в позапрошлом столетии. Странное для нашего слуха имя носила прежде эта улица - Куренная. Ничего удивительного! Каменный уголь активно стали использовать на заводе только при выплавке стали, а для производства железа необходим был уголь древесный, который "курили" специальным образом. Похоже, углежог и были первыми, кто заселил эту улицу. О них и лесных куренях напоминало старое название улицы, как и Угольные ворота на заводе.

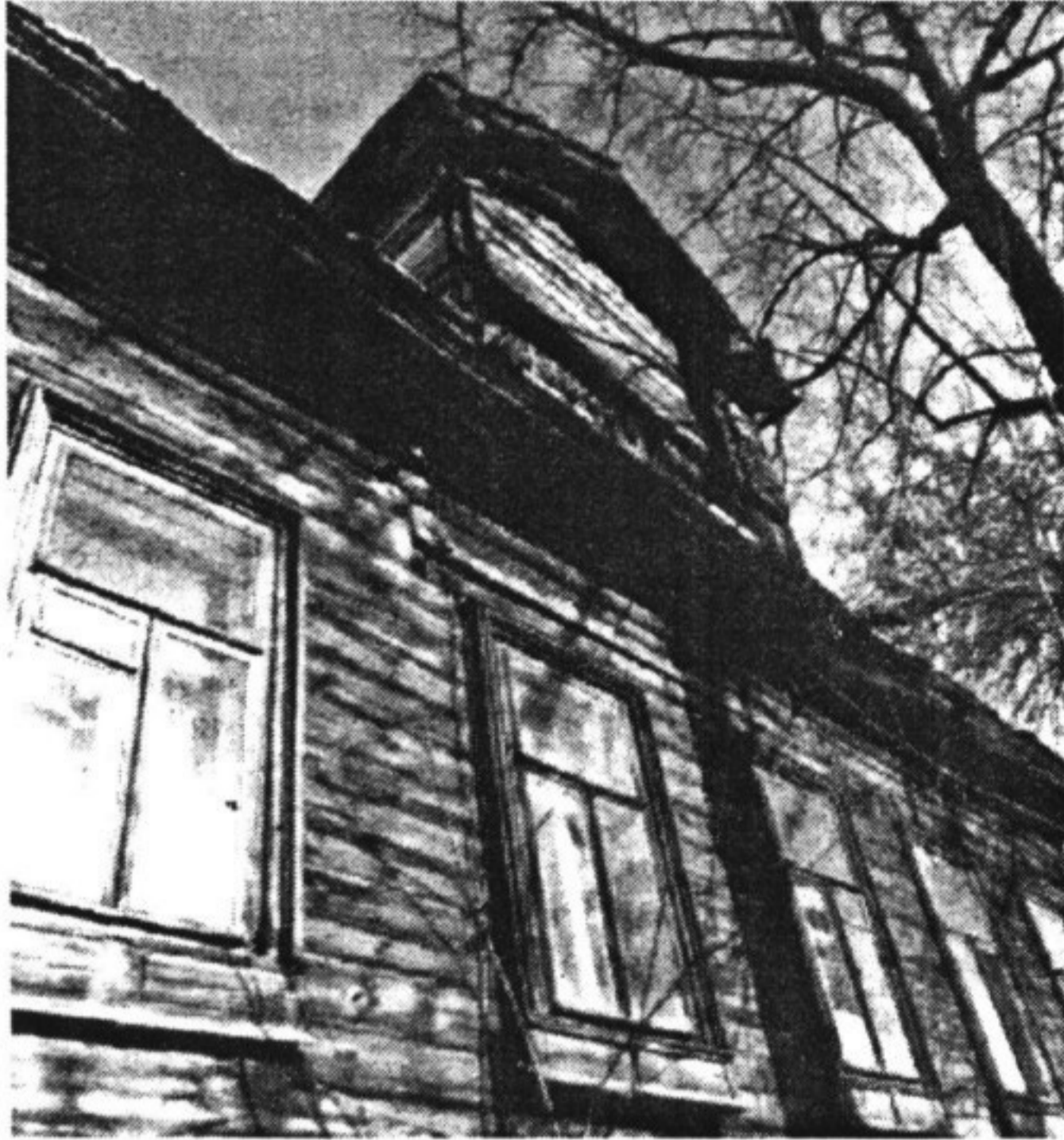
Двадцатый век листопадом зашвырял весь город красными названиями. Вот и нашей Куренной не повезло. 13 декабря 1918 года постановление Революционного гражданского совета Ижевска "окрасило" сразу четыре городских названия: Коньшин переулочек стал Красногеройским, Госпитальная улица - Красноармейской, Береговая приобрела грозное имя Красного Трора, а тихая почтенная Куренная стала просто Красной. Впоследствии в Ижевске появились Краснознаменная, Красносельская и Краснокутская улицы. У Красногорской и Красноярской, как вы понимаете, несколько иная история.

А Красная улица в сознании городского обывателя, наверное, никогда и не была связана с идеологией. Не было в ней помпезности, размаха, плакатов и лозунгов на ней почти не бывало. Ну, Красная и Красная, красивая, то есть как Красная площадь в ближайшем Сарапуле или дальней Москве.

Эта улица тиха и почтенна и в конце XX века, как-никак лет двести ей уже - возраст солидный. Пожалуй, только один ее квартал, что вдоль собора Александра Невского протянулся, многолюден и шумлив - тут и магазины, и остановки транспорта, и замызганное торжище людское под названием "111-й". Совсем еще недавно рабочие, спеша на завод или возвращаясь домой, покупали у старушек сигареты. Нынче при активном участии милиции городских бабок вытеснили с пятачка, а место их заняли подозрительные тетеньки синюшного вида. Постоял я, поглядел - нет, не решился у такой купить сигареты, сплюнул и побрел вниз по улице Красной.

Память об углежогах

Первые обитатели улицы - куренщики, углежог, или по-уральски "жигари", - жизнь вели бедную. Работа у них была трудная, тяжелая и рискованная. Да и улица тогда довольно бедно выглядела - все лачуги да хибар-

ки, тут уж не до престижности. Вся жизнь - тяжелая работа. И так по всему Уралу. Один из гороблаготских стариков вспоминал уже в сороковые годы нашего века о том, как прежде курили уголь:

"Деды и прадеды также уголь жгли. Сначала мы

выкладывали из нарубленных дров трубу. Вокруг этой трубы... начинали дрова ставить... Получалась куча. В этой куче десять сажен и более дров укладывалось. Когда куча готова, начинаем ее дернить... обкладывали ее дерновым пластом в три ряда.

Задерненную кучу засыпали землей. А засыпанную кучу дровами разжигали. Когда дрова разгорятся, труба гореть начинает. Когда труба сгорит, дрова-то, что к ней были прислоненные, осядут, повалятся и заглушат собой огонь. Тогда начинается томление. Томятся дрова дней шесть-семь. Отец тогда вовсе не спит. Ходит, смотрит, уминает, за огнем глядит. Огонь может загнестись в одном боку... Тогда отец в нужном месте, где жару нет, окно проделывает. Дерн открывает. Тяга начинается, огонь-то и переходит к окну. Тогда отец опять закрывает окошко... Дерн выгорает весь начисто, и земля тоже чуть не в золу перегорает, и получается вроде загнетки. Вы, конечно, знаете, что в русской печке уголь в бочок, в загнетку хозяйка загребают и заматают его золой - он и тухнет. То же самое и жигарь делает, только вместо золы земля да дерн.

Как остынет куча, разгребать начинают ее, очищать от земли. Уголек другой раз такой звонкий получается, глядеть любодорого. Бывает, что целое полено так целиком и обуглится. И кора, и сучки, и полосочки всякие - все на нем знатно, только

все это черное. Уголь. Хуже всего сдача... Если приемщик вымогатель попадет, придирки всякие строить начинает... Уголь - продукция, известно, легкая. Мало весит. Но при сдаче так намаешься, что лоб и спина мокрые.

Это в мои годы было так, а при крепости вовсе уж никого не миловали".

все это черное. Уголь.

Хуже всего сдача... Если приемщик вымогатель попадет, придирки всякие строить начинает... Уголь - продукция, известно, легкая. Мало весит. Но при сдаче так намаешься, что лоб и спина мокрые.

Это в мои годы было так, а при крепости вовсе уж никого не миловали".

"Перемещения в пространстве - во времени перемещение"

А заводской поселок рос да расширялся. Вот и оказалась Куренная улица в центре будущего города. Чумазы, пропахших дымом углежогов уже в начале прошлого века стала вытеснять с улицы более "чистая" публика. В северном конце Куренной, там, где нынче цеха мотозавода, первый ижевский архитектор Семен Дудин выстроил целый деревянный дворец для оберберггауптмана А. Ф. Дерябина, полюбившего Ижевск и подолгу здесь жившего, хоть и отвечивал он за два горных округа - Гороблаготский и Пермский. Цитирую Е. Ф.

*Возможно править деспотически,
Но не дано ни в коем разе
Лишать того, кто жив фактически,
Как имени своеобразья.*

М. Кудимова

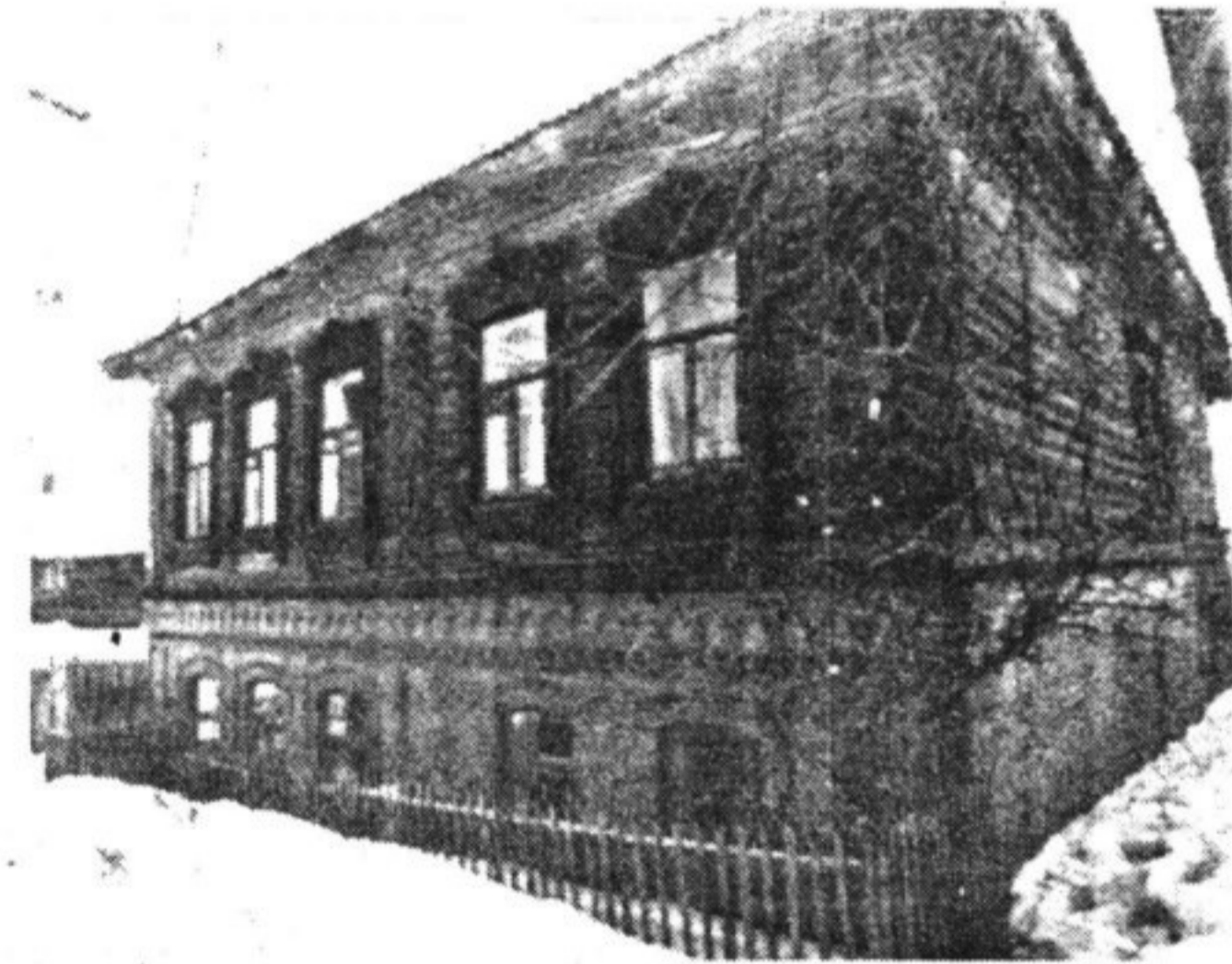
Шумилова: "Жил он на Иже по-княжески, содержал парикмахера-француза и целый штат лакеев... Завел он здесь на свой кошт и барскую усадьбу. Хотя из дерева, но настоящий дворец - о 64 окна, на каменном фундаменте, с флигелями, каретным сараем и бульваром к пруду".

Сами понимаете, кто вслед за основателем оружейного завода стал селиться на Куренной: чиновники да купцы, мастера да священнослужители. Самый оживленный участок улицы, что напротив собора, в 1837 году отведен был для постройки домов духовенства, долгое время их так и звали - попковские дома.

Немалую роль в то время играла Куренная для заводского поселка: первая ижевская типография, земская трехклассная мужская школа, такая же школа для девочек, особняки и дома далеко не последних ижевцев - все это было здесь.

Колесо истории

В 22-м году основал свое дело Адриан Никандрович Евдокимов. Здания его оружейной фабрики до сих пор стоят на нынешней

улице Горького, хлебозавод в них теперь разместились. А на углу Куренной и Троицкой (там, где нынче гастроном) выстроил фабрикант для себя целую усадьбу. Скончался он в 1917 году, как раз перед крахом частного капитала. Сын его Матвей Евдокимов вместе с семьей покинул Ижевск с белыми. Трудна была судьба невольных изгнанников: Сибирь, Харбин, Сан-Франциско - таков путь многих, ушедших с Ижевско-Воткинской дивизией. Несколько лет назад в наш город приезжала правнучка фабриканта-оружейника. Возвращение хотя бы имен затянулось на десятилетия.

На возвращение, очевидно, рассчитывал и купец Афанасьев, припрятавший в 1918 году в подва-

ле дома № 139 часть своих богатств. Семьдесят лет купеческое золото и серебро надежно хранилось, да случай подвел - ремонт затеяли. Не случайно же говорят, что клады находят случайно (уж извините за тавтологию!). Интересно, что чувствовали жильцы этого дома, когда выяснилось, что буквально под ногами у них хранилось богатство?

Впрочем, что же мы все о грустном! Куренная знала не только тех, кто впоследствии будет изгнан из своих домов, из своего города. Обитали на ней и будущие гонители. В одном из поповских домов "на квартире своего дяди, соборного псаломщика, полулегально жил один из основателей местной организации РСДРП Петр Будрин" (цитата из книги Е. Ф. Шумилова "Город на Иже"). Тогдашний студент казанской духовной академии, а впоследствии и кандидат богословия носил кликуху "Иван".

Какое-то время снимал квартиру на Куренной улице и выходец с Полтавщины Василий Жечев. Через несколько лет именно он подпишет постановление о преобразовании заводского поселка в город,

вана подпольная библиотека-читальня. Каждый день ее посещали десятки рабочих". Вот так, с агитационных брошюр все и начиналось, а закончилось великой резней. Но это я сейчас такой умный, Бог знает, как бы в то время я думал и поступал. Можно ли обвинять тех, кто мечтал о лучшей жизни, кого закрутило, завертело колесо истории, кем воспользовались мерзавцы? Все хороши были - что белые, что красные. И все равно сомнительно мне, что, случись у истории другой исход, Куренную улицу переименовали бы в Белую. Хоть и рабочее у нее название было - Куренная.

"Идет куда-то..."

"Зима вернулась", - думаю я, осторожно вышагивая по Красной улице. Скользко, холодно, неуютно. Ветер шумит в верхушках старых деревьев. Они и вправду старые - эти тополя, липы, березы в два три обхвата. И дома по Красной улице старые, потемневшие от времени, многие еще из XIX века. Этот кусок старого деревянного Ижевска как бы обуглился на солнце, впитав в себя за десятилетия массу энергии, как тот древесный уголь, что когда-то "курили" углежог. Я люблю прикасаться к стенам этих домов руками. Наверное, глупо, но с каждым из них, как со старым знакомым, я здороваюсь. Мне нравится та скромная провинциальная красота, что таится в вычурности их наличников, во всех этих якорях, щипцах, завитушках... Нравятся округлые окна кирпичных первых этажей, цветы на подоконниках, скрипящие ворота и резьба над ними, исчезающие в центре города палисаднички, обсуждающие что-то свое старухи-соседки.

- Слышь, мужик, - прервал мои размышления чей-то голос, - добавь гысачу рублей!

Передо мной стоит один из "синяков", которые в последнее время стали привычны для нашего города.

- А не пошел бы ты?!.
- Да не, ты не думай, - задержался, заторопился мужичонка, - я же не просто так прошу, я тебе бабу за это...

У входа в гастроном жметесь на ветру подружка "синяка", тоже с похмелья маятся.

- Мужик, даже если ты мне сам заплатишь, я ее не возьму.

Мужичонка, расстроенный, отходит, а я иду вниз по бывшей Куренной. У бара работяги толкуются, перекуривают, беседуют... Значит, на одном из ижевских заводов сегодня зарплату выдавали. Наверное, за прошлогодний август.

Вот так и живем. Работаем, выпиваем, перекуриваем, бредем по давно привычным, с детства знакомым улочкам. По Красной, например. Бредем, как по жизни. А разве нет?

Сергей ЖИЛИН